

— Эй, парень, надо же, не ожидал, что ты, такой холодный на вид, окажешься настолько нежен с девушкой.

Улыбка еще не сошла с лица Цинь Цзая, когда он смеясь ответил:

— Это не девушка, это младший брат, очень послушный и милый малыш.

Сидящий рядом человек посмотрел на него с недоверием и шоком в голосе переспросил:

— Ты серьезно? Разве младших братьев можно описывать словами «послушный» и «милый»? Мой брат только и делает, что пытается меня прикончить.

Цзи Цзывэй, одетый в цветастую рубашку и джинсы, появился с опозданием. Издалека заметив высокую, ладно скроенную фигуру стоявшего навтыжку Цинь Цзая, он едва подошел ближе, как услышал удивленный вопрос того парня. Хлопнув его по плечу, Цзи Цзывэй произнес:

— Дружище, поздравляю с тем, что ты успешно отыскал ключ к тому языку, на котором разговаривает Цинь Цзай.

До начала дебат-турнира оставались считанные минуты. Глядя на прекрасное лицо Цинь Шухуана на экране своего телефона, Цинь Цзай почувствовал, как сердце внутри него сжалось от нежности, а в глазах заплывали улыбчивые искорки:

— Мой младший брат очень милый, и он сильно меня любит.

Цзи Цзывэй...

Сидящий рядом парень...

Не дождавшись от Цинь Цзая желаемого ответа, Цинь Шухуан при полном параде заявился на музыкальную вечеринку группы Сюй Цзяиня.

Площадка была оформлена шумно и ярко. На сцене Сюй Цзяинь совершенно не походил на себя в обычной жизни — он напоминал вырвавшуюся из клетки свободную птицу, живую и беззаботную.

После выступления Сюй Цзяинь в сценическом костюме подошел к Цинь Шухуану, уселся рядом и, жадно набросившись на пиццу, невнятно прожевал:

— Ну как, это же мое первое выступление, каково?

Цинь Шухуан сидел в аккуратном деловом костюмчике, а его глаза сияли:

— Просто идеально!

— Хочешь подняться наверх и спеть? — предложил Сюй Цзяинь.

Глядя на профессиональное музыкальное оборудование и просторную сцену, Цинь Шухуан признался самому себе, что в тот момент его сердце дрогнуло.

Ослепительные сценические огни словно незаметно осветили его собственную серую и тусклую жизнь. Пусть даже всего на несколько минут — для того, кто привык вечно прятаться в темных углах, этого было более чем достаточно.

Цинь Шухуан присоединился к группе Сюй Цзяиня и стал вместе с ним вокалистом.

Жизнь, полная тайных репетиций, пронизывала почти всю юность Цинь Шухуана. Под предлогом учебы он тайком ускользал из класса; пушистые мягкие кудри из духа бунтарства перекрашивались в светлый цвет, а пухленькое детское тело постепенно вытягивалось в стройную, мужественную фигуру подростка.

Школьная музыкальная зала по-прежнему оставалась местом сбора их компании. Спрыгнув со сцены и небрежно перебирая струны гитары, Сюй Цзяинь взглянул на Цинь Шухуана, который неподалеку доделывал домашнее задание:

— Тебе ведь скоро придется перекрашивать волосы обратно, слышал, твой старший брат возвращается.

Выражение лица Цинь Шухуана осталось спокойным, руки продолжали работать:

— Ага, сегодня после обеда и перекрашу.

С тех пор как оба мальчика выросли, старушка Чэнь отправилась путешествовать и наслаждаться жизнью. Цинь Цзай из-за тяжелой учебы то и дело уезжал на различные соревнования. Цинь Шухуан был еще не в том возрасте, чтобы заботиться обо всем — до неба высоко, а император далеко, сколько бы Цинь Цзай ни контролировал младшего, уследить за абсолютно всем он не мог.

Перекрасив волосы, Цинь Шухуан прямиком отправился в аэропорт, поскольку Цинь Цзай потребовал встретить его.

Цинь Цзай тоже решительно превратился в юношу. Его рост в один метр девяносто сантиметров резко выделялся в толпе, а всем своим видом он излучал уверенность человека,

привыкшего жить в роскоши, и неповторимый шарм, то и дело привлекая к себе любопытные взгляды.

Они сели в машину. Цинь Цзай запустил широкую ладонь в волосы Цинь Шухуана и взъерошил их:

— Дома вел себя хорошо?

Цинь Шухуан отбился, высвобождая шевелюру, и пригладил ее руками:

— Отлично. Тебе не надоело? Из раза в раз одно и то же спрашиваешь.

— Вот, подарок тебе, посмотри, понравится ли. — Цинь Цзай достал красный футляр и протянул Цинь Шухуану.

Цинь Шухуан открыл его: внутри покоились часы, сплошь усыпанные бриллиантами, источавшие сдержанную роскошь.

Цинь Цзай отлично умел выбирать подарки. Фигура у Цинь Шухуана была ладная и стройная, однако изящные тонкие запястья не подходили для крупных циферблатов, а вот миниатюрные изысканные часики на руке Цинь Шухуана подчеркивали все его достоинства.

Цинь Шухуан тут же надел их. Россыпь сияющих бриллиантов на тонком ремешке в сочетании с белой и чистой кожей делали его похожим на гордого, избалованного молодого господина из знатной семьи. Цинь Цзай остался очень доволен.

— А где твой браслет? Разве я не говорил, что его нельзя снимать?

Цинь Шухуан закатал штанину, и на щиколотке обнаружился изящный, потрясающей красоты золотой браслет.

— Вот он, любуйся.

— Почему ты надел его на ногу?

— Слишком банально, боялся, что это испортит мой имидж.

Цинь Цзай невольно рассмеялся и снова не удержался, взъерошив волосы Цинь Шухуана.

Когда Цинь Шухуан получил от Сюй Цзяня сообщение о предстоящем выступлении, он как раз помогал Цинь Цзая разобраться с бесчисленными боковыми ветвями семьи Цинь.

Семя Цинь было огромным кланом, пустившим корни повсюду и раскинувшимся необычайно широко. Однако со сменой эпох некогда могущественная семья с вековой историей растеряла былую плодovitость. Огромное состояние, сколоченное прежними поколениями за счет численности клана, теперь, в эпоху перемен, оставалось без наследников — детей рождалось меньше, а ответственности требовалось нести больше.

Наблюдая за тем, как Цинь Цзай ловко общается с гостями и непринужденно ведет беседы в высшем свете, Цинь Шухуан молча забился в угол, предпочитая оставаться незаметным.

Динь!

Раздался звук входящего сообщения. Цинь Шухуан беззаботно разблокировал экран — и в ту же секунду время будто замерло, все вокруг застыло, уши автоматически перестали улавливать гул банкета и музыку, и во всем мире живым и реальным остался только он сам.

В день выступления пальцы Цинь Шухуана отчаянно дрожали от напряжения. Тайком возвращенный светлый цвет волос отражался в зеркале гримерной, и, глядя на свое отражение, Цинь Шухуан чувствовал себя одновременно чужаком и до боли знакомым человеком.

В комнату заглянул Лу Цзюань:

— Ого, красавчик! Если бы у меня сегодня не охрип голос, я бы тоже с удовольствием вышел с вами на сцену оторваться.

Цинь Шухуан нервничал сильнее прежнего и беспрерывно донимал Лу Цзюаня расспросами:

— Я нормально выгляжу? Я правда хорошо пою? Я ведь не совсем безнадежен, да?

Вплоть до самого выхода на сцену Лу Цзюань продолжал подбадривать Цинь Шухуана.

Отсчет времени в наушниках и стук собственного бешено колотящегося сердца — вот и всё, что было доступно слуху Цинь Шухуана.

Это выступление должно было состояться на самом обычном, ничем не примечательном мероприятии в торговом центре. Перед началом перед сценой толпилось всего пара человек, да и те не задерживались надолго.

Но контракт на это выступление группа добыла без чьей-либо помощи, исключительно собственными силами и талантом, и Цинь Шухуан хотел выложиться на полную!

Обратный отсчет подошел к концу, в наушниках зазвучал ввевшийся в память ритм, и Цинь

Шухуан вихрем выбежал на сцену.

Толпа перед сценой росла на глазах, и вскоре весь просторный атриум торгового центра заполнился людьми.

— Какой красавчик, боже, какой красавчик!

— И правда хорош, глянь на главный экран.

— Протолкнись-ка поближе, потрясающее зрелище. Кто бы что ни говорил, а с виду он типичный мажор — богатый и привыкший брать от жизни всё.

— Стоило ему выйти, как вокруг будто посветлело.

— До чего же хорош!

— Словно гость из другого измерения.

Дуэт Цинь Шухуана и Сюй Цзяиня вывел атмосферу на совершенно новый уровень, толпа ревела от восторга.

Бам!

Все вокруг погрузилось во тьму.

Оказавшись внезапно в полной темноте, люди запаниковали, по торговому центру прокатилась волна испуганных криков.

Свет вернулся всего через несколько секунд, но Цинь Шухуан уже исчез из поля зрения толпы.

С трудом подавляя ярость, Цинь Цзай притащил его домой, схватил линейку и, не раздумывая, со всего маху опустил ее на ладонь.

Боль мгновенно пронзила все тело, белая нежная лабань вспыхнула ярко-красным. Цинь Шухуан от боли зажмурился, глаза заволокло слезами, но он не смел отдернуть руку.

Цинь Цзай отвел его в угол комнаты. Стоять в углу для Цинь Шухуана было делом привычным — с малых лет, стоило ему напроказить, как он занимал это место лучше кого бы то ни было.

Но на этот раз всё было иначе. Цинь Шухуан нутром чувствовал страх — Цинь Цзай поднимал

на него руку впервые в жизни.

Ведь всё, абсолютно всё было так надёжно скрыто, почему же правда всплыла наружу?

Новый удар оборвал мысли, и слезы градом хлынули из глаз, заливая красивое бледное лицо.

— Прости меня, братишка... — насмерть перепуганный Цинь Шухуан машинально попросил прощения.

— Тан-тан, я же просил тебя ничего этого не делать, но ты нарушил каждый мой запрет. Прогулы, тайные выступления — я сквозь пальцы смотрел на всё это. Но я же не раз предупреждал тебя: не высывайся, не светись на людях! А ты? Обязательно ввяжешься во всё подряд!

На него обрушилась колоссальная, врожденная властность Цинь Цзая. Цинь Шухуан в панике поднял голову и встретился взглядом с полными разочарования глазами брата.

Ярость в крике и неподдельное разочарование на дне глаз составляли страшный контраст. Цинь Шухуан окончательно потерял почву под ногами — он предпочел бы видеть в глазах брата слепую злость, но не это пронзающее сердце разочарование.

Однако в глазах Цинь Цзая не было гнева или бешенства — лишь чистое, абсолютное разочарование.

Этот взгляд окончательно сломил Цинь Шухуана.

<http://bllate.org/book/21844/2264886>